

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФИЛОСОФ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О.В. Хлебникова

Омский государственный
университет путей сообщения

hlebnikova_ov@mail.ru

В статье исследуются основополагающие свойства такого феномена современной интеллектуальной культуры, как профессиональное философствование. Рассматривается место философии в системах классического и неклассического образования, а также роль интеллектуала-специалиста в становлении практической сферы социального действия.

Ключевые слова: профессиональное философствование, интеллектуал-специалист, образование, культура, философский текст, дискурс.

Содержанием настоящей статьи станет исследование базовых характеристик профессионального философствования, рассмотренного в качестве специфической сферы интеллектуальной деятельности, обладающей в наши дни статусом социального института и актуализирующей определенные основополагающие свойства современной культуры как таковой.

В 1980 году в одном из своих интервью Ж. Делез очень удачно заметил: «Изначально философия никогда не была предназначена для профессоров философии... Мы на пути к созданию литературного пространства, так же как и судебного, экономического, политического пространств – полностью реакционных, заранее сфабрикованных и предназначенных для угнетения»¹. В данном высказывании, кроме прочего, французский философ

обозначил мнение об определенной степени необоснованности, сомнительности самой идеи метафизической целесообразности (а равным образом – и субстанциальной возможности) профессиональной философии. Эта гипотетическая сомнительность связана, прежде всего, с неоправданными, но неизбежными претензиями философии, взятой в качестве института, во-первых, на определенную интеллектуальную (и экономическую) монополию в сфере осмысления предельных структур и категорий бытия и, во-вторых, на способность субъекта подобных институализированных взаимодействий, отношений к непрерывному и регламентированному штатным расписанием удержанию себя внутри такого осмысления.

Если говорить о последствиях попытки имплицитной монополизации институтом профессиональной философии области «предельного» мышления, то обращают на

¹ Делез Ж. Переговоры. – СПб: Наука, 2004. – С. 42–43.

себя внимание, в первую очередь, следующие обстоятельства:

1) по большому счету, профессиональная философия может быть рассмотрена как инстанция (естественно, репрессивная по характеру), предназначение которой состоит в конституировании базовых культурных универсалий. Именно социальный институт философии в наибольшей степени способствует формированию в масштабах культуры того «самого конкурентоспособного из рынков», на котором затем осуществляется «торговля жизненными смыслами»². Философское, следовательно, в современном обществе выступает в качестве своеобразного ярлыка, удостоверяющего культурную и социальную значимость определенного ряда стратегий трансцендентности, т. е. ряда всеобщих стратегий перехода личности от обыденного к возвышающему;

2) именно основополагающие презумпции институализированной философии структурируют (в силу высказанных только что соображений) базис системы классического образования.

В данном случае под «классическим» образованием подразумевается такой его тип, который в качестве своей финальной цели предполагает производство и воспроизводство определенным образом мыслящей и действующей личности. И тогда вообще образование будет рассматриваться здесь как «процесс приобщения к культурно детерминированным путям решения тех задач, с которыми связана жизнь человека»³. Своеобразным противовесом «классическому» образованию является образование «неклассическое», наиболее широко распространив-

шееся только в XX веке и ориентированное всего лишь на учебную подготовку к какой-либо профессии⁴.

Само существо классического образования органически связано с повсеместным и обязательным преподаванием некоего универсального курса философии, т. е. курса философии вообще, философии как таковой⁵. Причем ясно, что философия тут выступает в качестве привилегированного предмета, обладающего статусом «нравственного» превосходства над другими предметами, а также, конечно, статусом их основы, фундамента.

Неклассическое же образование, по определению, лишает философию этого ее привилегированного, исключительно («структурирующего базис») положения, «низводя» ее до уровня всех прочих предметов и представляя в качестве простой суммы некоторых знаний, умений и навыков. Поэтому вполне закономерным выглядит появление в рамках системы неклассического образования узко специфицированных по содержанию учебных пособий по философии, предназначенных, например, для гуманитарных или технических учебных заведений; для студентов, получающих высшее или средне-специальное образование; для «начинающих» или «продолжающих» и прочее. Подобная специфицированность разного рода учебных пособий (и, кстати, не только по философии), естественно, представляет собой достаточно обоснованное следствие общей ориентации неклассического образования на подготовку узких специалистов в какой-либо сфере;

⁴ Шелер М. *Формы знания и образование* // Шелер М. *Избранные произведения*. – М.: Гнозис, 1994. – С. 15–56.

⁵ Рюби К. *История философии* // *Великие философские учения*. – М.: Искусство XXI век, 2005. – С. 363–365, 383–385.

² Бауман З. *Индивидуализированное общество*. – М.: Логос, 2005. – С. 5.

³ Долженко О.В. *Очерки по философии образования*. – М.: Промо-Медиа, 1995. – С. 63.

3) сам факт существования профессиональной философии априорно задает (и маркирует собой) некое поле отношений между дискурсом власти как таковым и официально одобряемым интеллектуальным дискурсом.

Можно сказать, что само наличие институализированного философствования (и вообще институализированной рациональности) автоматически подразумевает существование некоторой социально значимой фигуры интеллектуала, будто бы обладающего преимущественным правом на создание идеальных программирующих, т. е. претендующих на последующее физическое воплощение, моделей общественного развития (следует подчеркнуть, что настоящие рассуждения отчасти соотносятся с концепцией «коммуникативного дискурса» и соответствующей ему демократии Ю. Хабермаса⁶, но в то же время с той оговоркой, что шансы на реализацию всех вышеупомянутых моделей, на наш взгляд, все-таки сомнительны).

В целом подобный профессиональный интеллектуализм, пытающийся (естественно, безуспешно в финале) монополизировать право на любое социально осязаемое действие в сфере мысли и тем самым стать частью существующих в обществе отношений господства и подчинения, является одной из самых характерных черт современной культуры⁷.

Как верно заметил У. Дюваль: «Интеллектуал, счастливо сочетающий в себе черты философа, публициста, духовного светоча и политического активиста, —

знаковая фигура на сцене современной истории»⁸.

По большому счету, «практическая» деятельность этого интеллектуала-специалиста сводится сейчас к следующему:

а) к «одомашниванию» мысли, т. е. к приспособлению сферы интеллекта к нуждам власти и ее дискурса (для удобства последующего использования)⁹. Данная тенденция ярко демонстрирует себя в распространившемся в наши дни стремлении рассматривать философию, помимо прочего, как такой тип интеллектуальной активности, осуществление которого подразумевает актуализацию во всех объектах влияния основ «подлинной» разумности, идеалов демократии и ненасилия, интенций к блокированию деструктивного поведения, а также «правильного» представления о возможном будущем;

б) к «обустройству» собственной судьбы, т. е. к последовательному стремлению к обладанию определенным набором материальных благ, соответствующим положению интеллектуала в общей социальной иерархии¹⁰;

в) к раскрытию неочевидных до момента вмешательства интеллектуала отношений господства¹¹.

⁸ Дюваль У. Утраченные иллюзии: интеллектуал во Франции // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — С. 337.

⁹ Сюрна М. Портрет интеллектуала в обличье домашней зверушки // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — С. 378–379.

¹⁰ Фуко М. Политическая функция интеллектуала // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. — М.: Праксис, 2002. — С. 207.

¹¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. — М.: Праксис, 2002. — С. 68.

⁶ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб: Наука, 2000.

⁷ Мерло-Понти М. Интервью // Логос. Философско-литературный журнал. — № 2. — 1991. — С. 32.

Вообще же институт профессионального философствования базируется на совершенно других принципах трансляции философского опыта по сравнению с теми формами, которые предполагались в момент складывания философии как культурного феномена. Именно исчезновение традиции общения Учителя мудрости с Учеником и возникновение ситуации информационного обмена между преподавателем философии и усредненным студентом может считаться основной причиной размещения философского дискурса как такового в пространстве взаимодействия отношений власти и подчинения.

Если же обратиться непосредственно к характеристикам фигуры профессионального философа, то прежде всего дают о себе знать некоторые «неудобные» вопросы. Например: «можно ли считать, что философ является философом всегда?», «является ли философским по сути абсолютно все, что написано философом?», «является ли философ философом, когда не пишет?», «является ли философия собственностью профессионального философа, которой он может распоряжаться?»

Существо проблемы, таким образом, заключается в затрудненности автоматического приложения самого термина «профессионализм» к фигуре философствующего субъекта. Ведь вообще сфера профессионального есть сфера, противопоставляющая специалиста и дилетанта. В области же философии специализация и дилетантизм далеко не всегда могут быть однозначно определены и зафиксированы. Хотя, конечно, для полноты освоения всей совокупности современного философского знания (в его подразумеваемой исторической ретроспективе), видимо, необходима некоторая предварительная подготовка.

Однако наличие такой подготовки вовсе не гарантирует способности того или иного «подготовленного» субъекта к воспроизведению себя в состоянии философствования, а, равным образом, и к написанию собственного философского текста. В то же время «неподготовленный» субъект, дилетант может оказаться вполне способным на подобные вещи (в силу наличия у самого феномена философии ряда соответствующих неотъемлемых свойств).

Можно заметить, следовательно, что в современных условиях профессиональный философ всегда находится в двойственной ситуации. С одной стороны, социальные и культурные обстоятельства подталкивают его к неблагодарной роли методолога (в частности, методолога науки), поскольку уж именно эта роль по структуре наилучшим образом вписывается в отношения философской специализации и метафизического дилетантизма вследствие существования постоянно преследующей всякого профессионального мыслителя необходимости перманентно подтверждать свой статус созданием все новых интеллектуальных продуктов, а, с другой стороны, философ-профессионал зачастую поневоле оказывается в абсурдном положении практикующего пророка за кафедрой (в этом смысле профессия философа сводится к навязыванию силой того, что фактически может быть получено только «откровенно»)¹².

Именно эта обусловленная обстоятельствами поза пророка постоянно заставляет профессионального философа испытывать определенное чувство вины. Данное чувство заключается, кроме прочего, в некоем негативно окрашенном экзистенциаль-

¹² Вебер М. Наука как призвание и профессия // Самосознание культуры и искусства XX века. Западная Европа и США. – СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 154.

ном переживании всякого «академического» мыслителя по поводу неизбежного подспудного осознания собственной исключительности, принадлежности к элите¹³. Возможно, что именно благодаря наличию подобного чувства вины профессиональные философы так часто пытаются оправдываться в связи с необходимостью обоснования актуальности своих исследований, поневоле впадая при этом в специфическое «состояние возвышенного умонастроения», являющееся следствием общей затрудненности искусственного конструирования ситуации мысли, состояния мысли (в условиях наличия у любого «академического» философа институализированной обязанности такое конструирование обеспечить).¹⁴

По большому счету можно сказать, что современный профессиональный философ очень часто «загоняется» культурой в положение интеллектуального изгоя, укрывшегося в воображаемой «башне из слоновой кости», внутри которой на деле философствование как таковое возможно только по поводу устройства самой «башни»¹⁵. Однако при этом нужно не забывать, что та же культура постоянно требует от мыслителя – специалиста каких-то принципиальных суждений о мире в целом (в позе пророка)¹⁶. В итоге большинство профессиональных философов сейчас занимаются (причем всегда словно бы

в страшной спешке) экстраполированием совокупности знаний о своих личных воображаемых «башнях» на структуру реальности вообще, в то время как им, возможно, стоило бы говорить о необходимости собственного освобождения.

Также заметим еще, что та экстраполяция, о которой мы вели разговор, в своей процессуальности, по сути, имитирует порядок так называемой «нормальной науки». Точнее, здесь имеется в виду, что большинство профессиональных философов постоянно пытаются представить свою непосредственную деятельность в виде процедуры, которая осуществляется на основе «прошлых» философских достижений, на основе той или иной глобальной метафизической парадигмы, позволяющей в какой-то мере разрешать все возможные в ее рамках затруднения¹⁷. В свое время Р. Рорти писал: «Философия... колеблется между самообразом, построенным по модели куновской “нормальной науки”, в которой мелкие проблемы со временем находят свое разрешение, и самообразом, смоделированным по модели куновской «революционной науки», в которой все старые философские проблемы отброшены как псевдопроблемы, и где философы занимаются переописанием феноменов в терминах нового словаря»¹⁸. Существо данной сентенции, на наш взгляд, имеет непосредственное отношение к феномену профессиональной философии. Речь, следовательно, идет, помимо прочего, о ее склонности к представлению всякого философствования вообще в качестве исторического события, вписывающегося в определенную систему

¹³ Поппер К. Все люди – философы: как я понимаю философию; Иммануил Кант – философ Просвещения. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 10–12.

¹⁴ Мамардашвили М.К. Быть философом – это судьба // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992. – С. 28.

¹⁵ Грей Д. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. – М.: Праксис, 2003. – С. 13–31.

¹⁶ Johnson P. Intellectuals. – New York: Harper Perennial, 1992.

¹⁷ Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2002. – С. 34, 51, 63.

¹⁸ Рорти Р. Тексты и куски / Р. Рорти // Логос. Философско-литературный журнал. – № 8. – 1996. – С. 173.

метафизических причин и следствий, а также в некоторую последовательно разворачивающуюся цепочку специфических актов теоретизирующей мысли (в этом отношении настоящее исследование является наглядным примером «профессионального» философского изыскания).

Кроме всего уже сказанного, зафиксируем также то обстоятельство, что косвенным образом современный профессиональный философ зачастую вынужден встраивать свою деятельность в выступающую одним из важнейших оснований существующей ныне культуры индустрию развлечений (поскольку уж сейчас большинство людей способны дать себе труд «разобраться» с каким-либо из возможных сегментов когнитивной сферы только в том случае, если процесс «разбирательства» изначально может быть представлен в виде более или менее увлекательного ментального приключения, не требующего, кстати говоря, серьезных личностных затрат): в современном мире профессиональный философ периодически вынужден выступать в роли массовика-затейника, ради оправдания собственной экономической бесполезности представляющего соответствующую тяжелую духовную работу в качестве одного из вероятных способов приятно, но с пользой провести время¹⁹.

Таким образом, исходя из вышеизложенного мы можем говорить, прежде всего, о следующих общезначимых контекстах культурного бытования профессионального философствования:

1) в определенном смысле «философия» вообще – это стандартная товарная упаковка. Ее содержанием являются некоторые

системы тезисов, которые благодаря магии письма, магии книгопечатания «владели умами многих поколений»²⁰. В какой-то мере понятие «философия» всего лишь маркирует довольно своеобразные по совокупности характеристик информационные комплексы, предназначенные, в конечном итоге, для продажи. И эта продажа сейчас может осуществляться, конечно, не только посредством простой экономической сделки (например, как продажа книг по философии), но и через соответствующее образование, и через социальные механизмы, обеспечивающие функционирование философии как учебной и «научной» дисциплины;

2) само существование философской письменной традиции в рамках современной культуры может быть рассмотрено в качестве события, демонстрирующего факт движения письма к самоосмыслению. В том отношении, что ведь письменность как таковая, по сути, порождает определенные напряжения, которые и приводят к возникновению ряда философских вопросов и проблем. Так, например, классическое европейское представление о существовании целостного субъекта познания фактически обязано своим появлением одной языковой привычке, визуализированной письменностью до состояния кажущейся абсолютной очевидности. Привычке полагать наличествующим и деятеля в случае наличия действия (кстати, о чем-то подобном писали еще Ф. Ницше и М. Хайдеггер). И, следовательно, имеет смысл говорить о том, что все дискуссии относительно понятия «субъект» порождены письменностью. Это значит, что здесь также будет верным утверждение о закономерности по-

¹⁹ Баджини Д. Свинья, которая хотела, чтобы ее съели: Занимательные философские загадки. – М.: РИПОЛ-классик, 2007.

²⁰ Мак-Люэн М. Галактика Гуттенберга. – Киев: Ника-Центр, 2003. – С. 360.

степенной утраты философией своей значимости по мере общего усиления влияния на культуру последствий информационно-технологической революции;

3) по большому счету философия сейчас может рассматриваться в качестве одного из важнейших социальных инструментов производства некоторого количества усредненных аутсайдеров. В этом отношении, конечно, очень многозначительно звучат некоторые непроизвольно вырывающиеся метафоры, встречающиеся в тех или иных философских текстах. Можно вспомнить, например, «философию на обочине» или «философию в провинции» у Хайдеггера: с одной стороны, такая «провинциальность» в собственном качестве, как, впрочем, и призыв к ней, маркируют наличие отчужденных индивидов определенного типа, а с другой стороны, подобная «философия на окраине» подводит этих индивидов под некий общий знаменатель, обозначая их склонность к данной философии и, таким образом, присваивая им соответствующее место в социуме (на «краю» социума), помеченное указателем «здесь – философы».

Литература

Баджигли Д. Свинья, которая хотела, чтобы ее съели: Занимательные философские загадки. – М.: РИПОЛ-классик, 2007. – 304 с.

Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.

Вебер М. Наука как призвание и профессия // Самосознание культуры и искусства XX века. Западная Европа и США. – СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 143–168.

Грей Д. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. – М.: Практикс, 2003. – 368 с.

Делез Ж. Переговоры / Ж. Делез. – СПб.: Наука, 2004. – 236 с.

Долженко О. В. Очерки по философии образования. – М.: Промо-Медиа, 1995. – 240 с.

Дюваль У. Утраченные иллюзии: интелектуал во Франции // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 337–349.

Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2002. – 608 с.

Мак-Люэн М. Галактика Гуттенберга. – Киев: Ника-Центр, 2003. – 432 с.

Мамардашвили М.К. Быть философом – это судьба // Как я понимаю философию – М.: Прогресс, 1992. – С. 27–40.

Мерло-Понти М. Интервью // Логос. Философско-литературный журнал. – 1991. – № 2. – С. 31–40.

Поппер К. Все люди – философы: как я понимаю философию; Иммануил Кант – философ Просвещения – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 56 с.

Рорти Р. Тексты и куски // Логос. Философско-литературный журнал. – 1996. – № 8. – С. 173–189.

Рюби К. История философии // Великие философские учения. – М.: Искусство – XXI век, 2005. – С. 283–394.

Сюрис М. Портрет интелектуала в облике домашней зверушки // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 374–388.

Фуко М. Интелектуалы и власть // Интелектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Практикс, 2002. – С. 66–80.

Фуко М. Политическая функция интелектуала // Интелектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Практикс, 2002. – С. 201–209.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.

Шелер М. Формы знания и образование // Избранные произведения – М.: Гнозис, 1994. – С. 15–56.

Johnson P. Intellectuals. – New York: Harper Perennial, 1992. – 386 p.